

ДИСКУССИИ

СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

П.А. МЯСОЕД

Полтавская специализированная школа-интернат № 2, Украина

Исследуются определения природы психического в теориях психологов-марксистов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, движение мысли этих ученых, темы связывающего их творческого диалога, противостояние их научных школ, логическая преемственность высказанных ими идей. Марксизм характеризуется как эпистемология деятельностного подхода в советской психологии со свойственными ему ограничениями, обусловленными сведением способа бытия человека к материальному производству. С.Л. Рубинштейн выходит за пределы марксизма и закладывает основания антропологического подхода, получившего свое развитие в трудах ученых, которые представляют природу и сущность психического в связи с природой человека, усматриваемой в разнообразии способов его бытия. Постсоветская психология своими главными тенденциями утверждает субъектный подход, содержание последнего показывает, что ее расхождение с советской психологией кроется в разной, соотносимой с именами Р. Декарта и Б. Спинозы, эпистемологии. Психологическое познание представляется историческим, обозначенным вкладами выдающихся ученых, процессом со свойственными ему нарушениями и восстановлениями преемственности.

Ключевые слова: история психологии, эпистемология, природа психического, деятельностный подход, субъектный подход, антропологический подход, способ бытия, проблема человека, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.А. Роменец.

Острая борьба позиций по поводу природы, сущности, функций психического, с которой начинается история советской психологии, остается в прошлом; побеждает марксистская точка зрения, советские психологи строят «новую» науку, отвечая на запросы начавшегося коммунистического строительства (Богданчиков, 2011; Ждан, 2008; Петровский, 1967; Ярошевский, 1994). Данная статья — о теоретической мысли советской, а также постсоветской психологии, становление которой проходит в связи с уже новыми радикальными преобразованиями жизни общества. Разграничиваются термины «марксистская психология», «психология советского периода», «психологическое познание». В советский период теорию психологии в Грузии разрабатывал Д.Н. Узнадзе, в Украине — В.А. Роменец, к марксизму они имеют косвенное отношение. Познание исторично, а измене-

ния, о которых идет речь, отражают идеологию социального времени.

Психологи-марксисты работали в условиях идеологического давления, но «вполне искренне создавали интеллектуальные конструкции... которые представляют огромный интерес в качестве выдающихся достижений философского материализма» (Грэхэм, 1991, с. 10). Полагают, что после распада СССР произошел «эволюционный отход от марксизма», что это «привело к необратимым изменениям в психологическом знании», а «дежурные клише имели значение ритуальной защиты от цензурного контроля» (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 275–276). Из этого следует, что вне постсоветской психологии должны оказаться теории Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, а этого не происходит: ссылки на их труды продолжают, а в случае с Л.С. Выготским многократно возрастают. Тогда как

быть с марксистской идеологией, которая в советской психологии выполняла функцию теории познания, эпистемологии?

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Идеология в психологии — это знание о мире, человеке, месте человека в мире, о том, на каких идейных основаниях он действует, как оценивает свои действия, как осуществляет свою жизнь (Роменец, Маноха, 1998). Идеология задает понимание природы и сущности свойственного ему психического, понимание находит отражение в теории, психология предстает своим реальным состоянием; это неотъемлемый момент мышления психолога. Мышление Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна — яркое свидетельство тому, что идеологией советской психологии является марксизм.

А.Н. Леонтьев (1982) так характеризует идеи Л.С. Выготского: по аналогии с тем, как материальные орудия труда опосредуют практическую деятельность человека, он вводит в психологию марксистскую идею об «опосредовании психических процессов психологическими орудиями». Сам он продолжает Л.С. Выготского, но это не прямая линия, а «параллелограмм»: после «Развития памяти» линии расходятся, максимально — в «Материалах о сознании», в работе «Деятельность. Сознание. Личность» они сходятся (Мясоед, 2010). Большая диагональ символизирует существенно различающиеся решения проблемы природы психического, меньшая — расстояние, которое проходит А.Н. Леонтьев к осознанию, что свою теорию он создает благодаря дпящемуся диалогу с учителем. Согласно его теории, происходит не «вращивание культурного знака», а интериоризация предметной деятельности, свои расхождения с Л.С. Выготским он четко артикулирует: категория практики, а не общения, является основанием марксистской психологии. Курс на «вершинную психологию» (Выготский, 1982б) А.Н. Леонтьев

не принимает, по идеологическим мотивам также, обнаруживая, что, как и «психологи-идеалисты», Л.С. Выготский «замыкается в круге сознания» (Леонтьев, 1998, с. 122–124). В другом месте звучит: «Где человек, мир? Где действительные отношения человека к миру?» (Леонтьев, 1994а, с. 23). В последний период творчества А.Н. Леонтьев смягчает оценки, но различия остаются, и они принципиальны¹. Идеологические, логические и психологические моменты в отношении ученика к учителю тесно, явно и неявно, переплетаются.

Идеи Л.С. Выготского оставляют много вопросов, оппоненты получают основание отрицать и наличие у него системы взглядов, и существование его научной школы (Брушлинский, 2001; Ярошевский, 1994; Yasnitsky, 2018). И название его теории «культурно-историческая» больше соответствует теории В.А. Роменца (Гусельцева, 2017). Свои претензии к Л.С. Выготскому у С.Л. Рубинштейна: «генетический социологизм», «слово-знак превращается в демиурга мышления», высшее не надстраивается над низшим, а преобразо-

¹ В работе «Деятельность. Сознание. Личность» А.Н. Леонтьев адресует слова «замыкается в круге сознания» уже не Л.С. Выготскому, а Л. Уайту, который проводит идею об опосредовании поведения человека продуктами культуры (1983, с. 139). С Выготским он соглашается: «Высшие специфически человеческие психические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, т.е. как *интерпсихологические*, и лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно; при этом некоторые из них утрачивают далее свою исходную внешнюю форму, превращаясь в процессы *интерпсихологические*», но уже на следующей странице уточняет: «Процесс интериоризации состоит не в том, что внешняя деятельность перемещается в предсуществующий внутренний “план сознания”; это процесс, в котором этот внутренний план формируется» (Там же, с. 150, 151). Опосредование — функция деятельности, через которую в сознание человека входит мир, а не «культурного знака»; до и вне деятельности психического не существует. А.Н. Леонтьев ведет нескончаемый диалог с Л.С. Выготским, при этом от своих позиций не отступает.

выводит его (1989, с. 99–100). Считают, что положением о единстве социального и индивидуального Л.С. Выготский преодолевает картезианскую, дуалистическую психологию и выводит психологию на монистический, неклассический путь развития (Вересов, 2000). А как быть с высшим и низшим, «вращиванием», «кругом сознания», за которым просматриваются теория познания Р. Декарта и вытекающий из нее дуализм в объяснении природы психического, выражающийся в противопоставлении внутреннего и внешнего мира?

А.Н. Леонтьев именно с монизма начинает: внешнее и внутреннее – деятельность в ее двух, тождественных по строению формах; внешняя форма интериоризируется, перемещается во внутренний план, предмет деятельности отражается в образе. За усложнением строения деятельности следует развитие познавательных процессов, формирование сознания, исторически это продукты производственных отношений, онтогенетически – усвоения ребенком запечатленного в окружающих предметах и значениях языка общественного опыта. Разграничение, лежащее в основе картезианской психологии, – протяженности и мышления – уступает место разграничению «с одной стороны – предметной реальности и ее идеализированных, превращенных форм... с другой стороны – деятельности субъекта, которая включает в себя как внешние, так и внутренние процессы» (Леонтьев, 1983, с. 152). Место «постулата непосредственности», согласно которому образ возникает вследствие воздействия внешних агентов на органы чувств человека, занимает принцип деятельностного опосредования. Дуалистической психологии внутреннего мира противостоит монистическая психология интериоризированного мира. А.Н. Леонтьев создает научную школу, ее справедливо называют неклассической (Соколова, 2001), но «идеологическая функция психологии», под которой он понимает идеологию марксизма и «служе-

ние классовым интересам» (Там же, с. 96), после распада СССР теряет свое значение, а школа – позиции. Категорией практики российские ученые не оперируют, психическое объявляется самоценным, самопроизвольным явлением; вместе с категорией практики за пределами психологии оказывается общенаучный принцип детерминизма (Мясоед, 2015а), он же является узловым пунктом противостояния школ марксистской психологии.

С.Л. Рубинштейн находит, что А.Н. Леонтьев продолжает свойственное Л.С. Выготскому противопоставление «культурного» и «натурального» в развитии, неправильно трактует марксову категорию присвоения, не учитывает диалектику внутреннего и внешнего. «Ничто не развивается чисто имманентно только изнутри, безотносительно к чему-либо внешнему, но ничто не входит в процесс развития извне, безо всяких внутренних к тому условий» (Рубинштейн, 1973, с. 227). Это формулировка *принципа детерминизма*, противопоставляемого С.Л. Рубинштейном леонтьевской идее интериоризации, но в понятия формулировки он вкладывает разные значения; разворачиваются дискуссии, и ясности они не вносят (Мясоед, 2009). А.Н. Леонтьев, в свою очередь, обнаруживает у С.Л. Рубинштейна «двойственную детерминацию психического» (Леонтьев, 1994б), т.е., другими словами, вопреки заявленной цели, что он не выходит за пределы картезианской психологии, а формулировку принципа детерминизма «переворачивает»: «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» (Леонтьев, 1983, с. 200). Вероятно, в плане функционирования, а не генезиса, согласно его теории, субъектом человек становится, а не рождается.

И С.Л. Рубинштейн, и А.Н. Леонтьев говорят о деятельности человека, но характеризуют ее по-разному; в марксистской психологии складываются две версии деятельностного подхода, за которыми – существенно различающиеся представления

о природе психического. Школы ученых пребывают в состоянии конфронтации, и она продолжалась бы, но ушли из жизни и основатели школ, и их ближайшие ученики. Происходит то, о чем говорит Т. Кун по поводу смены парадигм: этому способствует конечность жизни ученого, в науке действуют психологические факторы. Однако это факторы научного открытия, а здесь есть и другое: ученики С.Л. Рубинштейна помнят, как вели себя сотрудники Л.С. Выготского во время обвинений учителя в «космополитизме» (Страницы..., 1989), ученики А.Н. Леонтьева не приемлют критику С.Л. Рубинштейном его идей (Леонтьев, 1990). История советской психологии являет собой сложное переплетение историко-логичных, идеологичных и психологичных моментов (М'ясоид, 2016).

В идеях К. Маркса Л.С. Выготский выделяет положение об орудиях труда, изменяющих человека и его сознание, А.Н. Леонтьев — категорию практики, раскрывающую историю преобразования природы, общества, человека, С.Л. Рубинштейн рассматривает марксизм как философию человека. Это одна из причин разного понимания учеными природы психического. Главная причина видится в том, что теории познания как таковой у К. Маркса нет, скорее, это положения, интерпретируемые как теория познания, при этом судьба интерпретаций тесно коррелирует с судьбой советской психологии². Говорится

² Свидетельством этому является многотомный труд «Теория познания» (1991–1995) Института философии СССР, впоследствии РАН. В предисловии говорится, что посвящен он проблемам марксистско-ленинской теории познания. Два первых тома выдержаны в этом духе, в 3-м томе идеям К. Маркса отводится всего один параграф (о восхождении от абстрактного к конкретному), в 4-м — параграф с красноречивым названием «Марксистская традиция: мнимое торжество диалектики, фактическое господство социоцентризма». Рушится государственная идеология, редакторы «Теории познания» меняют свои позиции на противоположные. Тогда что такое теория познания? Сам труд говорит о том, что это раз-

о материальном единстве мира, историческом способе материального производства жизни человека, определяемом бытием сознания, познании как моменте практического переустройства мира, истине как соответствии знаний миру в его объективности... Это общеполитические положения; для психологии остаются мысли об идеальном как преобразованном материальном, о субъективном аспекте практики, о том, что ей надлежит стать «естественной наукой о человеке», исследующей «историю и бытие промышленности»... И остается вопрос: если миром правит исторический закон материального производства, то где здесь место человеку, его индивидуальности, свободе?³ Марксистской психологии не случайно трудно дается принцип детерминизма.

Преодолеть трудность можно, отказавшись от свойственного марксизму «производственного» толкования бытия человека. Именно так и происходит. С.Л. Рубинштейн (2003) приходит к выводу, что за отношением «сознание — бытие» кроется отношение «человек — мир», и в этой связи проводит «основную линию выхода за пределы марксизма». Дальше — новые идеи: индивидуальное соотносится не с социальным, а со всеобщим, бытием, где человек непосредственно присутствует; мир — не только сфера материального производства, это совокупность вещей,

нообразии идей о феномене познания, высказанных на протяжении истории человечества, что это процесс, который имеет свою историю, логику и означенную присутствием человека психологию.

³ Идеи К. Маркса в области эпистемологии квалифицируются как «отражательная когнитивная практика»: осмысливается «логико-методологическое» основание познавательного процесса, вне процесса оказываются его «экзистенциально-антропологические» аспекты, за которыми «живой человек» — и как субъект, и как объект познания; «субъект-объектное отношение» предстает в неадекватном *человеческому познанию* виде, в особенности когда речь идет о гуманитарных науках (Мишешина, 2008).

соотнесенных с людьми; свою сущность человек выявляет через любое отношение к миру, включая созерцание; человек свободен, когда действует вопреки обстоятельствам; смысл его жизни — быть «совестью мира»; «человек — зеркало Вселенной». Практикой человека является все, что и как он делает в мире и что предельным образом характеризует его самого, здесь же источники детерминации его психического. Открывается путь к психологии, фиксирующей факт присутствия человека в бытии. Пройти этот путь С.Л. Рубинштейн не успевает... В диалоге с ним путь проходит В.А. Роменец (Мясоед, 2013). Позиции диалога таковы: идеи С.Л. Рубинштейна — возможность охарактеризовать психическое онтологически, как факт бытия, его своеобразие заключается «в опредмечивании мира, непрерывном приближении к объективности»; мысль «человек — зеркало Вселенной» — мысль о психическом как своеобразном способе самоотражения мира; мир становится «видимым», и происходит это в поступке: «*Диалектический переход человека и мира* — вот что такое поступок», это «универсальная категория», с которой нужно начинать и завершать теорию психологии (Роменец, Маноха, 1998, с. 150). Через поступок психическое объективируется в культуре, в историческом движении, где, переживая падения и взлеты, устремляясь к полноте бытия, пребывает человек; источник поступка — в его глубинных, архетипических основаниях; проблема человека — центральная проблема психологии.

Для А.Н. Леонтьева практикой является общественно-историческая деятельность, для С.Л. Рубинштейна — любые формы взаимоотношений человека с миром, для В.А. Роменца — поступок. Человек подчиняется способу бытия, провозглашается непосредственно присутствующим в бытии, характеризуется через способ бытия. В зависимости от того, как понимается место человека в бытии, определя-

ются природа и сущность психического. А.Н. Леонтьев исследует психическое как порождаемое деятельностным способом бытия, С.Л. Рубинштейн и В.А. Роменец исследуют человека со свойственным ему психическим, порождаемым способом его бытия. На первый план выходит проблема человека, фактически отсутствующая в марксистской психологии, и это уже другая психология — не интериоризированного, а экстериоризированного мира. Это другая эпистемология психологии. Словами «человек — зеркало Вселенной» С.Л. Рубинштейн и В.А. Роменец провозглашают то, что созвучно с идеями Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, Г.В.Ф. Гегеля..., позже — К. Поппера, И. Пригожина... Человек видится частью мира, свойственное ему психическое — способом самоотражения мира; познание мира предстает в лице человека самопознанием; самопознание человека — постижение им себя через поиски своего места в мире. «Кущему антропологизму, не учитывающему объективного места человека в мире» (Рубинштейн, 2003, с. 359), противостоит *антропологизм*, учитывающий способ бытия человека в бытии мира. Закладываются основания *психологии бытия*, принципиально отличной от психологии бытия Л. Бинсвангера, А. Маслоу, Р. Мэя⁴.

⁴ Л. Бинсвангер (2001) интерпретирует понятие Dasein М. Хайдеггера как возможность выбора человеком восприятий и переживаний мира; индивидуальное Dasein — свидетельство присутствия конкретного человека в бытии и основание мира, представленного в матрице априорных значений. А. Маслоу (1997) бытием называет «внутреннюю природу человека»; самоактуализация — поиски «в самом себе» решений проблем, личностный рост; личность — детерминанта собственного развития, становление возможного, новая, через «пиковые» переживания, психическая реальность; восхождение, через постижение всеобщих ценностей, индивидуального к универсальному; обретение свободы. Для Р. Мэя «бытие является потенциалом, через разворачивание которого желудь вырастает в дуб или каждый из нас становится тем, кем он является на самом деле» (2004, с. 108).

Не человек определяется через бытие, как у С.Л. Рубинштейна и В.А. Роменца, а бытие опреде-

ПОСТСОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Манифестом постсоветской психологии становится сборник «Психология с человеческим лицом». Во введении говорится, что советская психология, включая деятельностный подход, не отвечает требованиям изменившейся жизни — исследуется социокультурная обусловленность психического, а не человек как уникальное единство телесного, душевного и духовного опыта в его самореализации — опредмечивании сущностных сил в продуктах деятельности и людях; психология изменившегося времени «возвращается к человеку» (Леонтьев, 1997). Эту же идею провозглашают другие авторы (Братусь, 2000; Слободчиков, Исаев, 2000). На первый взгляд, это антропологизм, — но тогда какой формы и на почве какой эпистемологии?

Применяется *субъектный подход*, где понятие «субъект» описывает активность человека в ситуации деятельности, а понятие «субъектность» — самодетерминацию и саморегуляцию личности (Леонтьев, 2010). По-новому прочитывая труды С.Л. Рубинштейна и В.А. Роменца, этот же подход утверждают их ученики (Абульханова-Славская, 2009; Татенко, 2011). Рефреном становится определение психического как самоосуществляемого явления, а человека как автора своей жизни, хозяина своей судьбы. Различий между школами, возникшими в советское время, больше нет! Проблема природы психического

ляется через человека. Точнее, через его переживание, это общий для гуманистической (А. Маслоу), экзистенциальной (Р. Мэй), экзистенциально-аналитической (Л. Бинсвангер) психологии предмет терапии. Вероятно, поэтому бытие понимается именно таким образом. Психологам-терапевтам не важно историческое движение психологической мысли, им требуется объяснить реальность, на которую пытаются воздействовать. Это все та же картезианская психология внутреннего мира и все тот же «куций антропологизм».

считается решенной, место принципа детерминизма занимает принцип самоопределения, категории бытия, мира, практики оказываются лишними. М.С. Гусельцева уточняет понятия субъектного подхода, говорит о контекстуальных изменениях в «духе человекознания», об «эпистемологических поворотах», подтверждение чему находит в словах М. Фуко: «Мы конституированы в соответствии с определенными формами субъективности, типами нормативности и знания, которые являются историческими» (2018, с. 9).

М. Фуко (1994) изучает труды К. Маркса, но соглашается только с тем, что жизнью человека правит исторический закон. Это не непрерывный закон производства предметов, а прерывный закон порождения знания. Исторические структуры мышления (эпистемы) рожают конфигурации знания (ренессансная, классическая, современная) и определяют условия и способы возникновения идей, образующих культуру эпохи. Человек становится объектом познания только в XIX столетии, это продукт дискурсивной практики, оперирующей категориями «жизнь», «труд», «язык», образ человека создается биологией, политэкономией, лингвистикой и остается исторически ограниченным. Дискурсивная практика устанавливает порядок в «сетке местоположений актов высказываний» и не предполагает обращения ни к «субъективности» (Р. Декарт), ни к «трансцендентному субъекту» (И. Кант). Человек в познании — автор текста, и это текст, а не человек, проговаривает истину, понятие «субъект познания» теряет смысл. Ранее неизвестный текст Г. Галилея или И. Ньютона может изменить представления о них, но не о механике, которая, хотя и основывается на их идеях, является продуктом дискурсивной практики.

У М. Фуко нет понятий *субъект* и *субъективность* в том значении, в котором они употребляются в субъектном подходе: «Мы конституированы» историей, субъект вы-

ражает формы ее мышления и этом смысле исчезает, «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» (1994, с. 404). Это отрицание не понятия субъекта, а картезианского определения субъективного начала познания. Именно с именем М. Фуко связывают лозунг постструктурализма «Смерть субъекта». К психологии Фуко критичен: теоретическое знание строится по образцу эмпирического, только через анализ бытия человека, кристаллизованного в продуктах истории, в психологии можно преодолеть противоречие между субъективным и объективным, человеком и миром. Это идея *психологии бытия* в том значении, которое ей придавали С.Л. Рубинштейн и В.А. Роменец. Сам же М. Фуко преодолевает точно такое же противоречие в эпистемологии, этим свидетельствуя, что психология связана с последней общим основанием, расколотым надвое логикой Р. Декарта.

По Р. Декарту, в основе познания лежит способность человека сомневаться в своих знаниях, мыслить и таким образом утверждать свое существование в условиях несоизмеримых — неделимой и протяженной — субстанций. Сознание, самосознание, мышление, сосредоточением которых является *Я*, становится первейшим условием уверенности человека в его существовании («Ego cogito ergo sum»)⁵. В эпистемологии кладется начало «субъект—объектной» оппозиции, получившей название *субъектоцентризм*: субъект объявляется точкой отсчета того, что находится в пространстве его наблюдения (В.А. Лекторский). В психологии психическое как внутреннее

обособляется от внешнего как непсихического, чтобы снять противопоставление двух реальностей, бытие определяется через субъективность человека (см. сноску 4). История естествознания проходит под знаком борьбы с картезианской эпистемологией, это же происходит, с возвратами к исходному состоянию, на протяжении истории психологии (Мясоед, 2004, 2015б). Субъектный подход не случайно отграничивается от деятельностного, он субъектоцентричен по сути, к антропологизму не имеет отношения и встает в один ряд с гуманистической и экзистенциальной психологией. Актуальным становится вопрос А.Н. Леонтьева: «Где человек, мир? Где действительные отношения человека к миру?» Психология возвращается на позиции, в борьбе с которыми складывается его теория и теории тех, кто при объяснении природы психического апеллируют к способу бытия человека в мире.

М.К. Мамардашвили (1994) показывает: логика Р. Декарта порождает противопоставления «бытие — сознание», «субъективное — объективное», «мышление — предмет», закрывается возможность видеть «неизбежность мышления». Последнюю реализует философия, в лице философа человек осознает себя, история философии — «акты самоосознания человека». Понимание мира — «элемент мира, законы которого понимаются», орган «структурирования мира», «продуцирования истины», «мое» мышление. Эпистемологии следует стать «теорией осуществляющегося мышления», а не мышления в противостоящем ему мире. В этом месте позиции М.К. Мамардашвили и М. Фуко пересекаются и позволяют определить *антропологический подход в психологии* как мышление, которое находит человека с присущим ему психическим там, где он реально пребывает, — в мире, способом свойственного ему бытия. Мышление конкретного психолога, которое и поступок тоже.

⁵ «Получается, что не самосознание Я, открывающее личности ее онтологические основания, гарантировало реализацию познавательных процедур, соотносящих (различающих) знание об объекте и объект, но сами процедуры автоматически гарантировали возникновение и существование субъекта познания и определяли его рефлексивность, делали его познающим субъектом, субъектом познания и, добавлю, замыкали его в себе» (Пружинин, 2008, с. 82).

Выступая перед сотрудниками последний раз, А.Н. Леонтьев (1986) предлагает изменить направление анализа: начинать не с деятельности, а с образа. Направление анализа меняется более чем существенно: речь уже не о предметности образа, а об образе предмета, где предметом является мир. По этому поводу замечают: «Рано или поздно настанет момент, когда теория превращается или в эклектический набор несовместимых принципов, или в абсолютно другую теорию, которая отрицает постулаты предыдущей» (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 186). Скорее, третье: ученому, пребывающему в неустанных поисках истины, открывается путь, пройти который он не успевает... Мысль А.Н. Леонтьева оказывается в области взаимоотношений человека с миром – там, где разворачивается мысль С.Л. Рубинштейна и В.А. Роменца. Становится очевидным, что психология имеет свой принцип дополнительности, вектор своей истории и свою временами прерывающуюся линию преемственности.

А.Н. Леонтьева продолжает А.Г. Асмолов, когда разворачивает положение, согласно которому «птолемеевской системе отсчета в познании человека» противостоит «*коперниканская деятельностная концепция анализа человека – бытие человека в мире*, включающее естественно-исторический процесс становления человечества в ходе преобразования природы, общества, человека, очеловечивание мира, поступки человека как автора и действующего лица своей жизненной драмы, восхождение в истории общества и истории каждого человека к свободной индивидуальности» (2007, с. 67). В.В. Знаков продолжает С.Л. Рубинштейна, когда определяет мир как организованную иерархию различных способов человеческого существования, а человека видит находящимся внутри бытия, где он «сам творит свою жизнь в мире и понимает его» (2016, с. 8). Прокладываются пути новых исследований, и это уже предмет отдельного анализа.

Преемственность между советской и постсоветской психологией то обрывается, то продолжается. Когда продолжается, становится ясным, что теория А.Н. Леонтьева преодолевает дуализм Р. Декарта и базируется на монизме Б. Спинозы (Соколова, 2018; Сурмава, 2007), – и не только теория А.Н. Леонтьева, но и теории С.Л. Рубинштейна, В.А. Роменца, других ученых, мыслящих в русле *эпистемологии субстанциализма*. Согласно Б. Спинозе, противопоставление идеального материальному на примере пространственно-геометрического свойства природы-субстанции происходит в мышлении как свойстве самой природы; познание человеком мира и самое себя – свойство природы через человека открывать свою потаенную сущность. Картезианской идее разъединенного на несоизмеримые сущности мира противостоит спинозовская идея самотражения мира в лице человека, именно она выражает сущность антропологического подхода в психологии – и проблему человека, которую, мыслью выдающихся психологов, решает эта наука на протяжении своей прерывающейся и длящейся истории⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советская психология, которую содержательно представляют теории психологов-марксистов Л.С. Выготского,

⁶ Решением проблемы человека в современной российской психологии считается комплексное изучение человека как многоуровневой системы; сущность человека сводится к совокупности собственных ему функций, объединяемых системным подходом (Логинава, 2017). Применяется «птолемеевская система отсчета в познании человека» (А.Г. Асмолов); это все тот же картезианский субъектоцентризм. Истоки психологии человека усматриваются в самом человеке, не принимается во внимание историческое стремление психологов выйти на простор монистического объяснения феномена человека, приняв за точку отсчета способ его бытия.

А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, решает проблему природы психического, пребывая в логическом противостоянии с картезианской психологией внутреннего мира. Дуализму противостоит монизм: вводится принцип опосредования, субъективное определяется через объективное. Решения различаются: по-разному интерпретируются идеи К. Маркса, разным оказывается принцип опосредования, авторы теорий оппонируют другу другу, в состоянии конфронтации пребывают их научные школы. Марксистская психология обретает форму версий деятельностного подхода с соответственно разным пониманием природы психического. Принципиально новым шагом становится выход С.Л. Рубинштейна за пределы марксизма, отказ от определения бытия человека через способ материального производства и понимание бытия как включающего в себя человека во всем многообразии его отношений с миром. В.А. Роменец дополняет: сущностным способом бытия, концентрирующим в себе психическое, является поступок, это форма присутствия человека в бытии, мир так видит себя.

Марксизм перестает выполнять функцию эпистемологии психологии в связи с распадом СССР, реакцией на эту ситуацию становится субъектный подход с его лозунгом «Возвращение к человеку». Исследуется субъективность человека, через нее же, как и в теориях Л. Бинсвангера, А. Маслоу, Р. Мэя, определяется бытие человека. Место принципа детерминизма, разрабатываемого в рамках деятельностного подхода, занимает принцип самоопределения. Обнаруживается, что разрыв между советской и постсоветской психологией проходит по линии эпистемологии, которая, как и психология, решает проблему соотношения субъективной и объективной реальности.

В эпистемологии дуализму Р. Декарта противостоит монизм Б. Спинозы, субъектоцентризму, объявляющему человека точкой отсчета познания им мира, — суб-

станцииализм, с позиций которого человек является неотъемлемой частью бытия, бытие через него обнаруживает себя, раскрывая свою потаенную сущность и место в нем человека. Деятельностный подход — форма субстанцииализма, субъектный — субъектоцентризма, советскую и постсоветскую психологию разделяет принципиально разная эпистемология. Идеи С.Л. Рубинштейна, В.А. Роменца, идеи А.Н. Леонтьева последнего периода творчества преодолевают ограничения деятельностного подхода, следующие из марксистского, «производственного» определения бытия. Утверждается антропологический подход в психологии, предмет которого — человек со свойственным ему психическим в его непосредственном присутствии в бытии мира.

Психологическое познание представлено разнообразием подходов, каждый из них имеет право на существование, это нескончаемые, побуждаемые ненасыщаемой потребностью попытки объяснить природу психического, движение мысли. Деятельностный, субъектный, антропологический подходы занимают в этом процессе свое место. Разными являются эпистемологические основания каждого, по-разному понимается природа психического. Реализация антропологического подхода предполагает видение психологии в системе взаимосвязей с науками, изучающими человека. Она решает вопросы широкого содержания, реагирует на запросы изменяющегося времени, продолжая путь своего исторического, обозначенного вкладами выдающихся ученых, становления.

1. *Абульханова-Славская К.А.* Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна: к 120-летию со дня рождения // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 5. С. 26–46.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Академия, 2007.
3. *Бинсвангер Л.* Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная пси-

- хология. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 308–332.
4. *Бодавичков С.А.* История советской психологии: 1920–1930-е годы. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический ун-т, 2011.
 5. *Братусь Б.С.* Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение. М.: Флинта, 2000.
 6. *Брушлинский А.В.* Деятельностный подход и психологическая наука // *Вопр. филос.* 2001. № 2. С. 89–95.
 7. *Вересов Н.Н.* Выготский, Ильенков, Мамардашвили: опыт теоретической рефлексии и монизм в психологии // *Вопр. филос.* 2000. № 12. С. 74–87.
 8. *Выготский Л.С.* Проблема сознания // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т.* М.: Педагогика, 1982б. Т. 1. С. 156–167.
 9. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991.
 10. *Гусельцева М.С.* Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2017.
 11. *Гусельцева М.С.* Рождение субъективности из духа человекознания // *Вопр. психол.* 2018. № 1. С. 3–15.
 12. *Ждан А.Н.* История психологии. От Античности до наших дней. 8-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Трикта, 2008.
 13. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
 14. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
 15. *Леонтьев А.А.* Л.С. Выготский. М.: Просвещение, 1990.
 16. *Леонтьев А.Н.* Вступительная статья. О творческом пути Л.С. Выготского // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т.* М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 9–41.
 17. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // *Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв.: В 2 т.* М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 94–231.
 18. *Леонтьев А.Н.* К психологии образа // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1986. № 3. С. 72–76.
 19. *Леонтьев А.Н.* Материалы о сознании // *Леонтьев А.Н. Философия и психология. Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994а. С. 26–48.
 20. *Леонтьев А.Н.* О книге С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии». Материалы к дискуссии // *Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994б. С. 226–228.
 21. *Леонтьев А.Н.* Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование) // *Вопр. психол.* 1998. № 1. С. 108–124.
 22. *Леонтьев Д.А.* Возвращение к человеку // *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур.* М.: Смысл, 1997. С. 3–18.
 23. *Леонтьев Д.А.* Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // *Эпистемология и философия науки.* 2010. Т. XXV. С. 136–153.
 24. *Логинова Н.А.* Проблема человека в современной российской психологии // *Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир.* 2017. Т. 1. № 1. С. 81–110.
 25. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994.
 26. *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997.
 27. *Микешина Л.А.* Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009.
 28. *Мэй Р.* Открытие бытия. Очерки экзистенциальной психологии. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2004.
 29. *Мясоед П.А.* С.Л. Рубинштейн: идея живого человека в психологии // *Вопр. психол.* 2009. № 4. С. 108–118.
 30. *Мясоед П.А.* История, логика и психология «параллелограмма Леонтьева» // *Вопр. психол.* 2010. № 6. С. 113–124.
 31. *Мясоед П.А.* Категория практики и методология психологии // *Вопр. психол.* 2015а. № 3. С. 106–115.
 32. *Мясоед П.А.* Плюрализм и монизм в методологии психологии // *Методология современной психологии / Сб. под ред. В.В. Козлова и др. М.; Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ, МАПН,* 2015б. Вып. 5. С. 146–159.
 33. *Мясоед П.А.* Психология в аспекте типов научной рациональности // *Вопр. психол.* 2004. № 6. С. 3–17.
 34. *Мясоед П.А.* Творческое наследие В.А. Роменца в историко-психологическом знании // *Психол. журн.* 2013. Т. 34. № 3. С. 51–59.
 35. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967.
 36. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии: В 2 т. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. Т. 1.

37. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОС-СПЭН, 2008.
38. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1.
39. Рубинштейн С.Л. Проблема способностей и вопросы психологической теории // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 220–235.
40. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 281–426.
41. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная пресса, 2000.
42. Соколова Е.Е. «Некласическая» психология А.Н. Леонтьева и его школы // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 6. С. 14–24.
43. Соколова Е.Е. О картезианстве и спинозизме в современной психологии: взгляд представителя школы А.Н. Леонтьева // Вопр. психол. 2018. № 2. С. 100–110.
44. Страницы истории: о том, как был уволен С.Л. Рубинштейн (из архива МГУ) // Вопр. психол. 1989. № 4. С. 73–101; № 5. С. 56–63.
45. Сурмава А.В. Диалектическая психология: драма становления // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 25–39.
46. Татенко В.А. Проблемы субъекта в современной психологии (украинская школа) // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Отв. ред. К.А. Абульханова. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. С. 371–387.
47. Теория познания: В 4 т. / Под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1991–1995.
48. Фуко М. Слова и вещи. Археология знания. СПб.: А-сад, 1994.
49. Ярошевский М.Г. Марксизм в советской психологии (к социальной роли российской науки) // Репрессированная наука / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. СПб.: Наука, 1994. Вып. 2. С. 24–44.
50. М'ясоед П.А. Психологічне пізнання: історія, логіка, психологія. К.: Либідь, 2016.
51. Роменець В.А., Маноха І.П. Історія психології ХХ століття. К.: Либідь, 1998.
52. Yasnitsky A. Vygotsky: An intellectual biography. L.; N.Y.: Routledge, 2018.
2. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: kulturno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. M.: Smysl; Akademiya, 2007.
3. Binsvanger L. Ekzistentsialno-analiticheskaya shkola mysli // Ekzi-stentsialnaya psikhologiya: Per. s angl. M.: Aprel Press & EKSMO-Press, 2001. С. 308–332.
4. Bogdanchikov S.A. Istoriya sovetskoj psikhologii: 1920–1930-e gody. Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj sotsialno-ekonomicheskij universitet, 2011.
5. Bratus B.S. Russkaya, sovetskaya, rossiyskaya psikhologiya: Konspektivnoe rassmotrenie. M.: Flinta, 2000.
6. Brushlinskiy A.V. Deyatelnostnyy podkhod i psikhologicheskaya nauka // Voпр. filos. 2001. N 2. S. 89–95.
7. Veresov N.N. Vygotskiy, Ilenkov, Mamardashvili: opyt teoreticheskoy refleksii i monizm v psikhologii // Voпр. filos. 2000. N 12. S. 74–87.
8. Vygotskiy L.S. Problema soznaniya // Vygotskiy L.S. Sobr. soch.: V 6 t. M.: Pedagogika, 1982b. T. 1. С. 156–167.
9. Grekhem L.R. Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze. M.: Politizdat, 1991.
10. Gusel'tseva M.S. Kulturno-analiticheskij podkhod k izucheniyu evolyutsii psikhologicheskogo znaniya: Dis. ... dokt. psikhol. nauk. M.: Psikhologicheskij institut RAO, 2017.
11. Gusel'tseva M.S. Rozhdenie subektivnosti iz dukha chelovekoznanija [Emergence of subjectness out of the spirit of the science of man] // Voпр. psikhol. 2018. N 1. S. 3–15.
12. Zhdan A.N. Istoriya psikhologii. Ot Antichnosti do nashikh dnei: 8-e izd., ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt, Triksa, 2008.
13. Znakov V.V. Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka. M.: IP RAN, 2016.
14. Kornilova T.V., Smirnov S.D. Metodologicheskie osnovy psikhologii. SPb.: Piter, 2006.
15. Leontiev A.A. L.S. Vygotskiy. M.: Prosveshchenie, 1990.
16. Leontiev A.N. Vstupitel'naya statya. O tvorchestvom puti L.S. Vygotskogo // Vygotskiy L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 1. M.: Pedagogika, 1982. С. 9–41.
17. Leontiev A.N. Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost // Leontiev A.N. Izbr. psikhol. proizv.: V 2 t. T. 2. M.: Pedagogika, 1983. С. 94–231.
18. Leontiev A.N. K psikhologii obraza // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya. 1986. N 3. S. 72–76.
19. Leontiev A.N. Materialy o soznanii // Leontiev A.N. Filosofiya i psikhologiya. Iz nauchnogo naslediya / Pod red. A.A. Leontieva, D.A. Leonteva. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994a. S. 26–48.

References in Russian and Ukrainian:

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Filosofsko-psikhologicheskoe nasledie S.L. Rubinshteyna: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya // Psikhol. zhurn. 2009. T. 30. N 5. S. 26–46.

20. *Leontiev A.N.* O knige S.L. Rubinshteyna «Osnovy obshchey psikhologii». Materialy k diskussii // *Leontiev A.N. Filosofiya psikhologii. Iz nauchnogo naslediya / Pod red. A.A. Leontieva, D.A. Leontieva. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994b. S. 226–228.*
21. *Leontiev A.N.* Uchenie o srede v pedologicheskikh rabotakh L.S. Vygotskogo (kriticheskoe issledovanie) [The teaching on environment in pedagogical works of L.S. Vygotsky] // *Vopr. psikhol. 1998. N 1. S. 108–124.*
22. *Leontiev D.A.* Vozvrashchenie k cheloveku // *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumaniticheskaya perspektiva v postsovetsoy psikhologii / Pod red. D.A. Leontieva, V.G. Shchur. M.: Smysl, 1997. C. 3–18.*
23. *Leontiev D.A.* Chto daet psikhologii ponyatie subekta: subektnost kak izmerenie lichnosti // *Epistemologiya i filosofiya nauki. 2010. T. XXV. C. 136–153.*
24. *Loginova N.A.* Problema cheloveka v sovremennoy rossiyskoy psikhologii // *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Chelovek i mir. 2017. T. 1. N 1. S. 81–110.*
25. *Mamardashvili M.K.* Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsionalnosti. M.: Labirint, 1994.
26. *Maslow A.* Psikhologiya bytiya. M.: Refl-buk; K.: Vakler, 1997.
27. *Mikeshina L.A.* Filosofiya poznaniya. Problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya. M.: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 2009.
28. *Mey R.* Otkrytie bytiya. Ocherki ekzistentsialnoy psikhologii. M: In-t obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2004.
29. *Myasoed P.A.* S.L. Rubinshteyn: ideya zhivogo cheloveka v psikhologii [S.L. Rubinstein: The idea of live person in psychology] // *Vopr. psikhol. 2009. N 4. S. 108–118.*
30. *Myasoed P.A.* Istoriya, logika i psikhologiya «parallelogramma Leonteva» [History, logic and the psychology of «Leontiev's parallelogram»] // *Vopr. psikhol. 2010. N 6. S. 113–124.*
31. *Myasoed P.A.* Kategoriya praktiki i metodologiya psikhologii [The category of practice and methodology of psychology] // *Vopr. psikhol. 2015a. N 3. S. 106–115.*
32. *Myasoed P.A.* Plyuralizm i monizm v metodologii psikhologii // *Metodologiya sovremennoy psikhologii / Sb. pod red. V.V. Kozlova i dr. M.; Yaroslavl: YarGU, LKIISI, MAPN, 2015b. Vyp. 5. S. 146–159.*
33. *Myasoed P.A.* Psikhologiya v aspekte tipov nauchnoy ratsionalnosti [Psychology in the context of different types of scientific rationality] // *Vopr. psikhol. 2004. N 6. S. 3–17.*
34. *Myasoed P.A.* Tvorcheskoe nasledie V.A. Romentsa v istoriko-psikhologicheskom znanii // *Psikhol. zhurn. 2013. T. 34. N 3. S. 51–59.*
35. *Petrovskiy A.V.* Istoriya sovetskoy psikhologii. Formirovanie osnov psikhologicheskoy nauki. M.: Prosveshchenie, 1967.
36. *Petrovskiy A.V., Yaroshevskiy M.G.* Istoriya i teoriya psikhologii: V 2 t. T. 1. Rostov-n/D.: Feniks, 1996.
37. *Pruzhinin B.I.* Ratio servios? Kontury kulturno-istoricheskoy epistemologii. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009.
38. *Rubinstein S.L.* Osnovy obshchey psikhologii: V 2 t. T. 1. M.: Pedagogika, 1989.
39. *Rubinstein S.L.* Problema sposobnostey i voprosy psikhologicheskoy teorii // *Rubinshteyn S.L. Problemy obshchey psikhologii. M.: Pedagogika, 1973. S. 220–235.*
40. *Rubinstein S.L.* Chelovek i mir // *Rubinshteyn S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. SPb.: Piter, 2003. S. 281–426.*
41. *Slobodchikov V.I., Isaev E.I.* Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya razvitiya cheloveka. Razvitie subektivnoy realnosti v ontogeneze. M.: Shkolnaya pressa, 2000.
42. *Sokolova E.E.* «Neklassicheskaya» psikhologiya A.N. Leontieva i ego shkoly // *Psikhol. zhurn. 2001. T. 22. N 6. S. 14–24.*
43. *Sokolova E.E.* O karteizinstve i spinozizme v sovremennoy psikhologii: vzglyad predstavatelya shkoly A.N. Leontieva [The mental: is it a form or a function of activity? (on discussions in the inner opponent circle of A.N. Leontiev's school)] // *Vopr. psikhol. 2018. N 2. S. 100–110.*
44. *Stranitsy istorii: o tom, kak byl uvolen S.L. Rubinshteyn (iz arkhiva MGU) [Records of history: How S. L. Rubinstein was fired] // Vopr. psikhol. 1989. N 4. S. 73–101. N 5. S. 56–63.*
45. *Surmava A.V.* Dialekticheskaya psikhologiya: drama stanovleniya // *Metodologiya i istoriya psikhologii. 2007. T. 2. Vyp. 4. S. 25–39.*
46. *Tatenko V.A.* Problemy subekta v sovremennoy psikhologii (ukrainskaya shkola) // *Filosofsko-psikhologicheskoe nasledie S.L. Rubinshteyna / Otv. red. K.A. Abulkhanova. M.: In-t psikhologii RAN, 2011. C. 371–387.*
47. *Teoriya poznaniya: V 4 t. / Pod red. V.A. Lektorskogo, T.I. Oyzermana. M.: Mysl, 1991–1995.*
48. *Fuko M.* Slova i veshchi. Arkheologiya znaniya: Per. s fr. SPb.: A-cad, 1994.
49. *Yaroshevskiy M.G.* Marksizm v sovetskoy psikhologii (k sotsialnoy roli rossiyskoy nauki) // *Repressirovannaya nauka / Pod obshch. red. M.G. Yaroshevskogo. SPb.: Nauka, 1994. Vyp. 2. S. 24–44.*
50. *Myasoed P.A.* Psikhologichne piznannya: istoriya, logika, psikhologiya. K.: Libid, 2016.
51. *Romenets V.A., Manokha I.P.* Istoriya psikhologii XX stolit'ya. K.: Libid, 1998.